

Коммунизм умер. Да здравствует коммунизм!

Коммунистический социальный строй в России (реальный коммунизм) разрушен. Это теперь неоспоримый факт. Конечно, какие-то его черты и обломки сохранились. Они еще долго

будут сохраняться, может быть, вечно. Но реальный коммунизм как целостный социальный организм развалился. Разрушены все его основы — коммунистическая организация первичных коллективов, система государственности, партия как основа и ядро государственности, идеологический механизм, общественное сознание, система ценностей, система воспитания и образования, система социальных гарантий и прав. Наступила посткоммунистическая эпоха, о которой мечтали антикоммунисты всех сортов, стран и народов в течение семидесяти лет советской, коммунистической истории.

В нынешней России еще многие считают себя коммунистами. Возникли организации, открыто именующие себя коммунистическими партиями, и такие, которые избегают такого наименования, но фактически считают себя сами и считаются другими коммунистическими. Что они представляют собой, достаточно хорошо известно из российской прессы. Я не собираюсь здесь анализировать их характеристики и давать оценки.

В нынешнем посткоммунистическом российском обществе никто не принуждает граждан принимать коммунистические идеалы. Наоборот, эти идеалы всячески дискредитируются. На коммунизм сваливают всю совокупность зол, в которых он неповинен. У коммунизма отнимают все то, что он внес позитивного в жизнь человечества.

Принятие идеалов коммунизма есть дело сугубо личное и добровольное. Коммунистом в этих условиях может считаться лишь человек, который принимает эти идеалы и делает своей жизненной целью участие в борьбе за их осуществление. Причем он должен делать это бескорыстно, без карьеристских расчетов, с готовностью пойти на жертвы ради коммунистических идеалов, короче говоря, как идеалистический, романтический и психологический коммунист. Лишь организация из таких (скажем, настоящих, подлинных) коммунистов в современную посткоммунистическую эпоху может считаться коммунистической в строгом смысле слова. Вот таким коммунистам и такой их организации адресую я эту статью.

Прежде всего о самих словах «коммунист» и «коммунистический». Как известно, многие партии отреклись от названия

коммунистических, мотивируя это конкретными условиями их жизнедеятельности. Аналогичное явление имеет место в России. А людей, отрекшихся от звания коммунистов, не счесть. Но ссылка на условия тут лишена смысла. Она лишь маскирует факт капитуляции и предательства. В лучшем случае — приспособленчества.

Идеи коммунистического общества (коммунистические идеалы) возникли задолго до марксизма и тем более до появления реальных коммунистических стран. Они в той или иной форме существовали независимо от них. И будут возникать вновь и вновь в будущем. Они суть именно идеалы. Ни от каких конкретных условий и изменений этих условий их содержание не зависит.

От конкретных исторических условий зависит их появление на арене истории, распространение, влияние, затухание, забвение. От конкретных условий зависит то, какие пути выбирают те или иные люди, чтобы добиваться их реализации. Но сами по себе они не конъюнктурны, не приспособляются к обстоятельствам. Нехитрое дело признать себя коммунистом и называть свою партию коммунистической в условиях, когда эта партия является правящей. Но надо иметь мужество заявлять о себе как о коммунисте и о своей партии как о коммунистической в условиях буйства антикоммунизма, массовой травли всего, что так или иначе связано с коммунизмом. Отрекаться в этих условиях от слов «коммунист» и «коммунистический» значит капитулировать перед всеобщей эндемией антикоммунизма.

Тут речь идет не просто о перемене названий. Речь идет о гораздо более важном — о великих исторических символах. Эти символы — историческая реальность. Мы живем в цивилизации, в которой символы порою играют более важную роль, чем эмпирически ощутимые вещи и события. Жертвовать этими символами в угоду преходящей конъюнктуре и в порядке уступки ликующему антикоммунизму по меньшей мере постыдно. Но столь же постыдно использовать исторический смысл этих символов, не будучи коммунистами на самом деле.

Впрочем, это явление скоро исчезнет, надо полагать, так как липовые коммунисты перелицуются в более подходящие словесные одежды. Настоящие коммунисты должны первым делом выразить свое отношение к КПСС советского периода. Бесспорно, в той катастрофе, которая случилась с Россией (уже случилась, а не всего лишь угрожает!), сыграли свою роль объективные факторы как внутреннего, так и внешнего порядка. Но они действовали не как некие особые субстанции. Они действовали через факторы субъективные, то есть через волевые решения и поступки людей, организаций, учреждений. Наличие объективных факторов ни в коем случае не снимает с людей, организаций и учреждений ответственности за ход событий, не освобождает от вины за случившуюся катастрофу, не освобождает от ответственности за будущее страны и народа.

Я убежден в том, что основная вина за случившуюся катастрофу лежит на аппарате КПСС, на КПСС в целом, включая рядовых членов партии. Причем вина не только коллективная, но и персональная. Но вина не в том смысле, в каком приписывают КПСС вину антикоммунисты, антисоветчики, критики «режима», реформаторы, демократы и прочие разрушители нашей страны, а в том смысле, что руководители и идеологи партии, партийный аппарат и вся масса членов партии допустили в своих рядах формирование идей и людей, которые, захватив в партии инициативу, влияние и руководство, привели ее к гибели. К гибели, имевшей роковые последствия — гибель всей советской системы государственности, социальной организации и всего общества.

КПСС не оправдала той исторической роли, какую она была обязана сыграть в отношении своей страны, не оправдала надежд народа на нее. Она капитулировала перед силами разрушения, фактически предала доверявший ей народ и самое себя. Предала самым позорным образом. Вновь возникающие партии не имеют морального права называть себя коммунистическими без публичного признания этого исторического факта и выражения осуждения его.

Что касается прошлых заслуг КПСС, то они должны быть учтены при оценке советского периода российской истории, ибо

этот период без нее просто немыслим. А сейчас, в чем я глубоко убежден, выступление коммунистических партий в роли обломков и преемниц КПСС препятствует возрождению коммунистического движения в России как в стране посткоммунистической.

Коммунизм в России вернулся из реальности в сферу идеалов, так что коммунистической партии посткоммунистической эпохи предстоит стать партией не просто политической, но партией идеологической. Идеологической прежде всего. И не на день-два, а надолго. Так что проблема идеологии для коммунистов посткоммунистической эпохи становится центральной.

Если коммунистов мало, организация слаба, материальные ресурсы ничтожны, поддержки почти нет, а враги сильны, главной силой коммунистов становятся идеи. А именно в сфере идеологии современное российское общество являет зрелище наиболее ужасающее: полное идейное разложение всех слоев и категорий населения, всех уровней образования, всех профессий, всех политических ориентаций, всех организаций и движений, всех возрастов. И ничего удивительного в этом нет. «Холодная война», в которой Советский Союз потерпел сокрушительное поражение, была войной прежде всего в сфере идеологии. Главным объектом атак со стороны Запада было именно идейное, психологическое и моральное состояние общества. Симптомы идеологического кризиса были заметны еще в хрущевские годы. Никакие меры советской идеологии предотвратить его не смогли. Наоборот, они всячески его усилили и форсировали. Общий кризис советского общества начался именно в сфере идеологии и спустился затем к самым его основам.

Советская интеллигенция сыграла в этом отношении колоссальную роль, подготовив фактически страну к полной идейной капитуляции перед Западом. Идеологическое разложение охватило и высшие слои советского руководства, включая его политических и идеологических лидеров. Две главные черты идеологического маразма нынешней России: во-первых, отмена и разгром государственной идеологии (то есть марксизма-ленинизма) и, во-вторых, наводнение российского идеологического пространства западной идеологией.

В вопросе о марксизме-ленинизме надо различать два аспекта, а именно: то, как с ним обошлись реформаторы российского общества, и то, каким должно быть, на мой взгляд, отношение к нему со стороны коммунистов посткоммунистической эпохи. Реформаторы просто отбросили марксизм-ленинизм, отменили и фактически запретили его как государственную идеологию в угоду антикоммунистическим и антимарксистским западным покровителям, не противопоставив ему более совершенное учение.

Никто из них, включая профессиональных идеологов, толком не понимал марксизм как интеллектуальное явление. Тот поток словесных помоев, какой они на него обрушили, был интеллектуальной деградацией беспрецедентного масштаба. Их отношение к марксизму не есть отношение разума к заблуждению. Они просто предали его, когда сочли это удобным, в своих шкурнических интересах. В истории человечества еще не было предательства подобного уровня и масштаба, не говоря уж о степени морального падения.

Марксизм не есть чепуха, хотя в его текстах много чепухи, не есть ложь, хотя в нем много ложных утверждений, не есть утопия, хотя многие его обещания несбыточны. Он есть явление качественно иное и более значительное. Он родился в гениальных умах и родился как стремление к научному познанию реальности. Он вырос на основе науки и сам внес в нее свой вклад. Но в силу роли, какую ему навязала история, он превратился в нечто отличное от науки и даже во враждебное ей. Он превратился в идеологию. Вот вам один из примеров закона диалектики, отвергнутой предателями марксизма, — закона перехода социальных явлений в свою противоположность в процессе эволюции.

Идеология как социальный феномен, отличный от религии, отделившийся от нее и играющий заметную роль в истории, возникла сравнительно недавно, в прошлом веке. Марксизм представляет собою тип идеологии, выросшей из науки, на основе науки. Он возник с претензией на научность и на самом деле внес много от себя в науку. Но он перерос в идеологию, причем в величайшую идеологию в истории. Это мое утверж-

дение — не порицание и не похвала, а просто констатация того факта, что наука и идеология суть различные явления.

Задача науки — познавать мир. Задача идеологии — не открытие новых истин о природе, обществе и человеке, а организация общественного сознания, приведение сознания людей к некоторому общему стандарту, управление людьми путем воздействия на их сознание. Идеология отбирает в наличном интеллектуальном материале общества (в науке главным образом) некоторую часть по своим критериям и перерабатывает ее по своим правилам, отличным от правил научного познания. Она строится с таким расчетом, чтобы ее могли усвоить широкие слои населения, обладающие некоторым уровнем образования и культуры, независимо от возраста, пола, профессии, социального положения. Хотя идеологию создают особого рода профессионалы, усвоение ее не предполагает особой профессиональной подготовки и очень больших усилий. Она рассчитана на то, чтобы ее могли как-то усвоить даже работники аппарата власти и политики и использовать в своей работе.

Марксизм явил миру самый грандиозный образец идеологии — идеологии глобального и эпохального значения. И именно тот факт, что он питался соками науки, позволял ему свыше ста лет быть более или менее адекватным отражением социальной реальности и давать сотням миллионов людей возможность как-то ориентироваться в окружающем мире, давать им своего рода социальные координаты. Это исторический факт. Я повторяю и подчеркиваю: марксизм был именно адекватен реальности, то есть удовлетворял определенные жизненно важные потребности определенной категории людей, в частности давал лозунги и ориентиры в их социальной борьбе, служил своего рода «руководством к действию». Адекватен — не значит истинен. Понятие истины к идеологии неприменимо, как оно неприменимо и к религии.

Идеология оценивается не критериями истины, а именно критериями адекватности, эффективности, нужности. Доказав научную несостоятельность утверждений и понятий идеологии, вы докажете лишь одно: идеология не есть наука, она есть социальный феномен иного рода. Научная идеология — это ло-

гический нонсенс. Доказательство ненаучности идеологии само по себе не колеблет ее социальный статус. Она может быть ослаблена и разрушена только другими силами, а именно репрессивными мерами властей и атаками со стороны враждебной идеологии, использующей аргументы науки в качестве одного из средств борьбы. При этом силы, враждебные данной идеологии, могут добиться успеха лишь при том условии, что носители и охранители этой идеологии по тем или иным причинам теряют способность ее защищать.

Идеология немецкого национал-социализма и итальянского фашизма рухнула потому, что Германия и Италия были разгромлены в войне, а победители просто запретили эту идеологию и разрушили ее механизм. Нечто подобное произошло и с советской идеологией. Только в более грандиозных масштабах. Кроме того, тут присоединились факторы, каких не было в случае разгрома национал-социализма и фашизма.

Марксизм, возникнув и развившись в эпохальную идеологию на основе жизненного и интеллектуального материала XIX и начала XX века, стал неадекватным тем переменам, которые произошли в мире в XX веке, в особенности после Второй мировой войны. Но что означала эта неадекватность? И была ли она достаточным основанием краха марксизма? И в чем заключалась главная причина краха?

Сказать, что марксистское учение о коммунистическом и о западном обществе оказалось ненаучным, что его прогнозы не подтвердились, — значит сказать нечто бессмысленное. Это учение и раньше было ненаучным, а над многими прогнозами смеялись еще в довоенные годы. К тому же и то, что ранее говорилось на эту тему на Западе, было ничуть не научнее марксизма, а во многих отношениях уступало ему.

Дело в том, что мир изменился таким (кстати сказать, непредвиденным!) образом, что критика коммунистического общества и апологетика западного общества оказалась в более выгодном положении, чем апологетика коммунистического общества и критика западного общества. Развились и вышли на первый план одни явления, и сравнительно ослабли и отошли на задний план такие явления, которые позволили западной

идеологии и пропаганде получить колоссальные преимущества перед советской. На Западе начался подъем в материальном отношении, а в Советском Союзе уже в начале 70-х годов стал ощутим «застой» и наметилась тенденция к кризису. Сложилось, короче говоря, условия, в которых западная идеология и пропаганда начали весьма успешно навязывать всему миру образ Запада как земного рая и образ Советского Союза как «империи зла».

Идеологическая атака со стороны западной идеологии на советское общество оказалась настолько мощной и эффективной, что советская идеология впала в состояние растерянности. Уже в 70-е годы можно было констатировать ее кризис — предвестник надвигающегося общего кризиса коммунизма. Но кризис — еще не крах. Если бы Советский Союз преодолел этот кризис и коммунистический социальный строй тут сохранился бы, никакой крах марксистской идеологии не произошел бы, ее не отбросили бы, не отменили. Она уцелела бы и постепенно стала приспособляться к новым обстоятельствам. Она начала такое приспособление уже в послесталинские годы. Очень медленно, робко, но начала. Специалисты по идеологии знают, какие важные и многочисленные коррективы были фактически внесены в марксизм (включая ленинизм). Могу в качестве примера назвать отказ от рассмотрения Советского государства как диктатуры пролетариата и истолкование принципа «по потребности», в котором потребности истолковывались как «разумные», то есть общественно признанные.

Марксистская идеология, как и коммунистический строй в России в целом, была жизнеспособной идеологией, причем более высокого интеллектуального и морального уровня, чем идеология западная. Она не умерла естественной смертью. Она была разрушена искусственно. Она оказалась уязвимой, поскольку средства ее разрушения оказались сильнее, чем средства самозащиты, и поскольку ее предали сами ее «защитники» — те, кто по долгу обязан был ее защищать. Нажив за ее счет степени, звания, славу, материальные богатства и высокие посты, они открыли ворота идеологической крепости врагам и сами возглавили погром.

Хочу особо подчеркнуть следующее обстоятельство. Марксизм-ленинизм был жизнеспособной идеологией — не сам по себе, а в качестве государственной идеологии мощной страны, сохраняемой и используемой мощным идеологическим механизмом и армией профессиональных идеологов. Но это не значит, что он жизнеспособен и в иных условиях. Условия возникновения идеологии и ее формирования в нечто значительное — одно, а условия сохранения сложившейся идеологии — другое. Тут нет совпадения.

На возникновение коммунистической идеологии ушли столетия, а на превращение ее в мощную государственную идеологию — десятилетия. Условия, благодаря которым это произошло, исчезли. И наивно думать, будто это может повториться в новых условиях. Человек тоже возник исторически в условиях, которых уже нет. Уничтожьте всех людей — и в современных условиях на планете вряд ли человечество возникнет вновь. В России не сумели сохранить марксизм в качестве национальной идеологии. Историческая идеологическая битва проиграна. Марксистская идеология как основа и ядро советской идеологии разрушена вместе со всем советским обществом. И возродить ее в прежнем виде, в прежних масштабах и роли в принципе невозможно.

В России стали говорить о некоем идеологическом вакууме. Гадают, чем его заполнить. Но думаю, что никакого идеологического вакуума нет. Наоборот, головы людей с молниеносной быстротой заполнились идеологическим хламом западной идеологии и ветхим тряпьем дореволюционной идеологической свалки, а также кустарными измышлениями дилетантов и шарлатанов. Есть идеологический хаос, распущенность, извращенность сознания. Растерянность. Потеря социальной ориентации. И вместо свободы мысли — повышенная идеологическая внушаемость массовой информации и массовой культуры, как это имеет место в поле воздействия западной идеологии.

В нынешней идеологической смуте в России в большом числе фигурируют и коммунистические идеи. Они фигурируют в самых различных видах. Отчасти это остатки и обломки советской государственной идеологии доперестроечного периода.

Отчасти — идеи марксизма-ленинизма ранних, «большевистских» лет. Отчасти — идеи реформистских отклонений в марксизме. Отчасти — идеи домарксистского коммунизма. Отчасти — подделки под западный социализм и социал-демократию. Отчасти — кустарные изобретения, но так или иначе изобретения людей, в какой-то мере знакомых с марксизмом-ленинизмом и с его предшественниками.

В условиях общей российской смуты, отсутствия каких бы то ни было ограничений и внутренних сдерживающих начал коммунистическая идеология приняла чудовищно уродливые формы, превратилась в множество мелких идеологических монстров. Причем это имеет место во всех ее проявлениях и вариантах — как в программах партий, так и в сочинениях одиночек, в сочинениях профессионалов и в сочинениях дилетантов, в словах ортодоксов и в словах новаторов. Это все суть не ростки нового, а продукты распада старого и всякого рода сорняки, вырастающие на заброшенном и захламленном поле или на мусорной свалке общественного сознания.

Коммунистам посткоммунистической России придется жить и действовать в той среде, о которой я говорил выше, — в среде извращения и очернения опыта реального коммунизма и коммунистической идеологии, идеологического хаоса, краха марксизма-ленинизма, неистовства антикоммунистов и предателей коммунизма, сознательного и систематического растления общественного сознания со стороны западной пропаганды и российских средств массового оболванивания населения. Их положение оказывается двойственным. С одной стороны, им придется отвергнуть марксизм-ленинизм как учение, неадекватное современной реальности, утратившее государственную опору и влияние на умы и чувства масс. Но с другой стороны, им предстоит повторить путь своих исторических предшественников марксистов, ибо именно последние дали образец формирования идеологии по законам этого социального феномена. Другого пути просто не существует. Марксизм оставил в наследство идеологам будущего ориентацию на научное понимание реальности. Мир радикально изменился, сделав марксизм неадекватным реальности.

Но без научного подхода к новой реальности никакую серьезную идеологию не построишь. Мало провозглашать коммунистические идеалы. Необходимо найти реалистичные пути движения к ним. А это не высосешь из пальца и из благих пожеланий. Для этого необходимо изучить опыт российского коммунизма, современное западное общество, глобальное общество, общие законы социальной эволюции и многое другое. На это нужны время, усилия, ум, образование. Нужна самоотверженная работа лучших представителей народа в ряде поколений. И ничто не может избавить от всего этого, никакие существующие партии, никакие современные средства массовой информации и коммуникации, никакая армия социологов, политологов, идеологов, писателей и журналистов.

В этой работе придется иметь дело с проблемами, аналогичными тем, с какими имел дело исторический марксизм. Придется так или иначе отталкиваться от марксизма, критиковать какие-то его понятия и утверждения, вводить новые, но сопоставимые с отвергаемыми. Будущие идеологи для себя (то есть субъективно) будут воспринимать это как отрицание марксизма. Но это не должно быть бездумное отбрасывание, забвение или игнорирование марксизма. Это должно стать изобретением нового, более совершенного и более адекватного новой реальности учения. Если этого не случится, то коммунистическая идеология останется на уровне примитивных идей домарковского коммунизма и примет уродливые, кустарные формы, не имеющие никаких шансов на серьезный исторический успех, или будет влачить жалкое существование в качестве обломков бывшей идеологической империи Советского Союза.

«Я тем завидую, кто жизнь провел в бою, сражаясь за великую идею», — писал Сергей Есенин. История предоставила молодым русским людям, рожденным психологическими, идеалистическими и романтическими («настоящими») коммунистами, возможность посвятить жизнь выработке таких идей и борьбе за их реализацию — идей коммунизма. Пусть эти идеи неосуществимы в полной мере. Пусть попытка реализации этих идей принесет вновь столь же великие разочарования, как это случилось с нашим, русским, коммунизмом. Во-первых, до та-

кой реализации теперь далеко, может быть, дальше, чем это было для молодых Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и других коммунистов прошлого. Во-вторых, если такая реализация случится, это будет не реставрация прошлого (что невозможно), а нечто новое, какой-то новый шаг вперед в эволюции человечества. И в-третьих, коммунисты прошлого внесли в жизнь человечества нечто такое, без чего оно погрузилось бы во мрак Средневековья. Коммунистам будущего предстоит нечто подобное в новую эпоху, уже обнаружившую сильную тенденцию установить на планете порядок, борьбе против которого посвятили жизнь лучшие представители рода человеческого.

Коммунизм в России умер. Настоящих коммунистов от прошлого осталось ничтожно мало, а новые еще не появились. Но они наверняка появятся — в будущем, причем в качестве существенного фактора истории. И потому я, как один из последних представителей вымирающего поколения идеалистических и романтических (психологических) коммунистов прошлого, хочу сказать: «Коммунизм умер — да здравствует коммунизм!»